

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

ИНТЕР-энциклопедия: Grounded theory. Устная история

DOI: [10.19181/inter.2021.13.1.5](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.5)

Ссылка для цитирования:

Семенова В. В. ИНТЕР-энциклопедия: Grounded theory. Устная история // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 1. С. 106–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.5>

For citation:

Semenova V. V. (2021) INTER-Encyclopedia: Grounded Theory. Oral History. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 1. P. 106–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.5>

Семенова Виктория Владимировна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: victoria-sem@yandex.ru

В продолжение постоянной нашей рубрики «ИНТЕР-энциклопедия» здесь предлагаются такие значимые для исследователя-качественника термины, как grounded theory и устная история. Первоначально дается общая формулировка термина, затем описание ее места в истории развития направления, методологическое обоснование и в конце — техника осуществления метода и примеры использования.

Ключевые слова: качественные методы; grounded theory; кодирование; теоретическая выборка; устная история; голос респондента; субъективные представления

GROUNDING THEORY

Grounded theory¹ (GT) — концептуальное поле качественной парадигмы, формирующееся вокруг методологии и методики, предложенных

¹ В международном дискурсе термин grounded theory на другие языки обычно не переводится, а применяется в первичной своей транскрипции. Распространенный в настоящее время в русскоязычной литературе переводной термин «обоснованная теория» не выдерживает критики по способу смысловой интерпретации: здесь как бы постулируется, что она, в отличие

Б. Глейзером и А. Страуссом (Barney Glazer и Anselm Strauss) и направленных на конструирование теории относительно избранного социального феномена — процесса, события, действия, состояния субъекта. По своей сути это индуктивная, компаративная методология, которая предлагает достаточно формализованную пошаговую стратегию сбора, структурирования, анализа и концептуализации качественных данных с целью конструирования мини-теории [Charmaz, Bryant 2008]. Это одновременно и метод, и результат исследования. Как метод — представляет собой набор достаточно гибких индуктивных процедур, направленных на «восхождение» от неструктурированных данных к их концептуализации, что предполагает на этом пути три основных процедуры: кодирование, анализ мемов, теоретическую выборку. Как результат — ГТ нацелена на построение объяснительных моделей происходящего в повседневности в терминах социального знания. Аналитические процедуры и сбор данных происходят фактически одновременно и дополняют друг друга. Стратегия интерактивна, базируется на постоянном сопоставлении — прежде всего, эмпирических данных с конструктами рождающейся теории. В качестве особого метода сбора и анализа качественных данных приобрела наибольшую популярность и легитимность, что, как негативное последствие, иногда приводит к ее упрощенному использованию и профанации.

Основатели данной теории американские исследователи Barney Glaser and Anselm Strauss разрабатывали свой метод в ходе эмпирического проекта, посвященного социальной организации лечения хронической боли в американской клинике. В процессе рефлексии относительно методической части этого проекта и создавалась классическая теперь книга “The Discovery of Grounded Theory” [Glazer, Strauss, 1967], которая получила широкое признание и во многом предопределила дальнейшее развитие качественной социологии в целом в 1960-е годы — в то время, когда данная парадигма была маргинальной по отношению к доминирующей количественной.

Критикуя узко-эмпирические возможности количественного анализа, B. Glazer и A. Strauss не только декларировали возможность получения теоретического знания на базе качественных данных, но и предложили систематизированную, но при этом гибкую стратегию и основные процедуры индуктивного «восхождения» от эмпирической словесной информации к теориям среднего уровня. B. Glazer, с его преимущественно количественным бэкграундом, привнес в концепцию строгость кодификации разрозненных данных, а A. Strauss как символический интеракционист подчеркивал значимость действий, смыслов, языка, а также декларировал постулат об относительности истины.

от других теоретических конструкций, имеет обоснование, тогда как остальные ее не имеют, что, естественно, является абсурдом. Любая теория, в том числе данная, имеет свое обоснование. Семантический же смысл данного обозначения у авторов теории лежит в противопоставлении общепринятому понятию “Grand theory” как теории, выстроенной на базе большого числа количественных закономерностей. В отличие от “grand”, здесь теоретизирование выстраивается исходя из эмпирических дескриптивных данных о происходящем в повседневности (буквально, по словам автора, «рождается из земли», “ground”). Поэтому более адекватным для специалиста будет употребление англоязычного термина grounded theory или его дословного русскоязычного перевода как «грунтовая теория» или же «заземленная теория».

В результате оба отстаивали тезис об индуктивном характере grounded theory, уделяли внимание процессу зарождения и развития теории, подчеркивали ее модифицируемость [Charmaz, Bryant, 2008: 375].

Впоследствии возникли модификации первичной версии grounded theory, изложенной в книге "The Discovery of Grounded Theory". Первая вариация появилась в книге "Basics of Qualitative Research" где конструирование теории базировалось на верификации уже отобранных исследователем категорий, а не на их создании в процессе работы с первичными данными. Здесь же была уточнена процедура осевого кодирования как выбор одной категории в качестве центральной и построение вокруг нее вспомогательных категорий, потенциально имеющих связь с первично избранной по типу отдельного свойства или степени выраженности [Strauss, Corbin, 1998].

Вторая значимая вариация GT представлена работами К. Чармаз и А. Брайнт (Kathy Charmaz и Antony Bryant). Сами авторы определяют ее как конструктивистский вариант GT. В их подходе подчеркивается активная роль самого исследователя в процессе конструирования теории. Исходя из их позиции, при построении теоретического видения феномена возникает как бы диалог между эмпирическими данными и научным потенциалом самого аналитика, обусловленного, в свою очередь, определенным историческим и социальным контекстом. Конструктивистский вариант GT предполагает, что как исследовательский процесс, так и сам изучаемый мир сконструированы социально посредством деятельности, что и обуславливает данный диалог аналитика с полевыми данными и предопределяет его выбор кодов и категорий, а также типа зарождающейся теории. Таким образом происходит взаимовлияние индукции и дедукции, конструктивист стремится к абстрактному пониманию эмпирического феномена как ситуативного типа общенаучного знания [Charmaz, Bryant, 2008: 376].

Однако различные модификации первичного варианта GT сходятся в главном — в видении процессуального характера анализа данных и в выделении основных процедур движения к теории. Стартовой процедурой в стратегии GT является кодирование разрозненных, преимущественно текстовых данных.

Кодирование есть процесс генерализации неструктурированной информации, полученной из интервью, архивов, статей и т.д., служащий для обозначения, организации, систематизации идей, концептов и возможных будущих категорий, при котором исследователь выделяет в тексте потенциально релевантные для изучаемого феномена события, характеристики, фразы, действия или стадии процесса и наделяет их определенными кодами (лейблами) для того, чтобы затем редуцировать их и представить в виде более абстрактного набора категорий (или субкатегорий) и последующего выявления возможных взаимозависимостей. В стратегии GT этот этап нельзя считать собственно анализом, это только первый шаг расчленения текста и структурирования эмпирических данных [Charmaz, 2016].

В GT кодирование предлагается осуществлять в три этапа, отражающие общую поэтапную логику движения от эмпирического знания к абстракциям,

хотя подчеркивается, что в реальной практике эти этапы не всегда возможно четко соблюсти. При этом важно, что в процессе кодирования происходит отход от персонифицированной, субъективной информации в направлении фиксации и проблематизации более объективизированных процессов, событий, структур.

Начальный этап — открытое кодирование (open coding). Процесс, при котором сырые данные — тексты интервью, заметки исследования (мемос) разбиваются на фрагменты для того, чтобы выявить пассажи, которые могут содержать будущие идеи и концепты. Каждый такой фрагмент обозначается коротким кодом. Задача состоит в том, чтобы выявить как можно больше идей и концептов (напр., «книги», «дом», «друзья» и т.д.). Процесс потому и называется «открытым», что как бы открывает текст с точки зрения скрытых смыслов, которые в нем содержатся. Исследователь открывает, называет, определяет и развивает все возможные идеи и концепты, не заботясь о том, каким образом они будут использованы в дальнейшем, и будут ли использованы вообще [Benaquisto, 2008: 581]. Кодирование позволяет также выявить сходные сюжеты, классифицировать их, структурировать и сжать данные, отбросив все нерелевантное для избранной темы. В результате сегменты текста уже могут стать объектами для сравнения, группировки, поиска дифференциаций, а также выстраивания их в определенном измерительном континууме в понятиях частоты или интенсивности (как часто? или как сильно?).

Осевое кодирование (axial coding) представляет собой фокусирование дальнейшего анализа на центральной категории, а также на «оси» потенциально связанных с ней составляющих (напр., если центральная категория — «чтение», то на оси может быть «профессиональное чтение», «чтение в детстве», «семейное чтение» и т.д.). Выделяются концепты и категории, которые могут иметь систематическую связь с центральной категорией по принципу отдельного события, ситуации, действия, объекта, в котором проявляется данная категория. В зависимости от целей исследования это может быть ось, выстроенная по принципу «условия или контекст существования феномена» (где, когда, почему); «отдельные действия в определенном процессе» (стратегии, ответы на ситуацию); «причины и последствия» (результаты действий). Это позволяет интегрировать данные о феномене в понятиях структуры или процесса и видеть ситуацию в понятиях причины/следствия. Когда появляются новые категории (субкатегории), они позволяют предположить и определенный тип связи с центральной категорией: вариация ее проявления, степень распространенности. Это дает возможность уже двигаться к абстракциям, к гипотезам и объяснению центрального феномена на следующем этапе. А. Глейзер предлагает обозначать этот этап осевого кодирования как путь к абстракциям через 6 “С”: контекст, условия, причина, следствие, вариация, ситуативность (context, condition, cause, consequence, covariance, and contingency) [Benaquisto, 2008: 52].

Мы имеем в своем архиве кейс девушки К., которая рассказала свою биографическую историю. Она мало задумывалась о своей жизни, вела довольно

неразборчивый образ жизни, пока не была в очень тяжелом состоянии доставлена в больницу, где ей поставили диагноз ВИЧ. Выйдя из тяжелого состояния, она задумалась о своей жизни и со временем фактически выстроила жизнь заново, став активистом общественного движения помощи ВИЧ-инфицированным, заведя друзей среди таких же, как она, пациентов, начала читать книги, обсуждать сложные проблемы и даже, по ее словам, перестроила свою гражданскую позицию, стала рассуждать о правах и обязанностях. Этот кейс мог бы стать отправной точкой для изучения категории «стратегия преодоления хронической болезни». Для этого надо первично рассмотреть данную стратегию К. как частный случай «преодоления» и обозначить ее осевой категорией, попытаться отследить отдельные стадии подобной стратегии (диагноз, первичный шок, осмысление, перестройка деятельности), выявить субкатегории, определяющие понятия «здоровье» и «болезнь» (напр., хроническая болезнь, жизнь и смерть, психологическое здоровье, физическое здоровье), которые содержатся в тексте, а также субкатегории, связанные с изменением круга деятельности «круг общения», «одиночество», «депрессия», «коммуникации», «смена круга общения», «друзья», «книги», «помощь другим» и т.д. Этот кейс может стать стартом для дальнейшего теоретизирования относительно «стратегий преодоления хронической болезни» путем поиска сходств/различий с первым кейсом по избранным категориям. Теперь уже мы сможем говорить в более абстрактном плане о возможной стратегии «жизни с хроническим диагнозом».

Выборочное кодирование (selective coding)

Феномены (события, действия, процессы) объясняются через выявление связи, то есть через интегрирование категорий и субкатегорий в сконструированную общую историю о том, что происходит с феноменом (центральная категория) в теоретическом плане при определенных условиях. Технически это представляет собой процесс написания общего заключения с использованием графических схем, диаграмм, мемов и предшествующего исследовательского опыта исследователя, а также с условием, что в конечной схеме адекватно отражены все основные выявленные категории, обозначающие свойства и параметры измерения данного феномена.

Для объяснения концептуальных связей большую роль играют **мемос** — аналитические заметки исследователя. Именно они несут в себе первичные содержательные идеи, которые способствуют развитию кодов и категорий, выявленных в тексте, и соединению их в общую аналитическую схему.

Следующий шаг — теоретическая выборка. Такая выборка понимается как сбор дополнительных данных в соответствии с первичным концептуальным видением проблемы и исходя из стратегии «сравнения» случаев по аналитическим свойствам основных категорий, выявленных при изучении первичного кейса. Итак, первичный кейс далеко не финальный результат построения теории. Как отмечает К. Чармаз, осуществление теоретической выборки, центральное звено GT, именно последующий добор данных превращает

стратегию в нечто большее, чем просто система кодирования. В отличие от обычной выборки в количественном исследовании, теоретическая выборка строится на основе первого кейса, когда уже определены основные категории и на их основе в поле ведется поиск дополнительных кейсов для уточнения теоретического видения феномена и для сопоставления его проявлений при других, обычно противоположных эмпирических ситуациях: при других условиях, действиях или даже других временных периодах, что дополняет, углубляет знание о нем [Charmaz, Bryant, 2008: 375]. Таким образом, теоретическая выборка снова отправляет исследователя в поле для поиска ответа на вопрос — как я могу углубить знание об этой категории путем сопоставления ее модификаций при других условиях, которые позволили бы более аккуратно сформулировать конечное представление о характере ее функционирования?

Так, в своем исследовании опыта мужчин, страдающих хроническим заболеванием, К. Чармаз фокусировалась на выявлении изменений в маскулинной идентичности в случае резкого столкновения с ситуацией тяжелого, граничащего с инвалидностью заболевания. Исследовательница прошла несколько шагов конструирования теоретической выборки. На первом шаге по формальным критериям были отобраны несколько взрослых мужчин с хроническим заболеванием, которое могло оказать влияние на качество их повседневной жизни, а следовательно, и вызвать изменение идентичности. На основе анализа текстов первых интервью были сконструированы аналитические категории: центральная — маскулинная идентичность; осевые — ситуация столкновения с угрозой жизни, приспособление к ситуации неопределенности; болезнь и инвалидность; стратегии сохранения себя; представление о себе в прошлом; публичная и приватная идентичность. Затем, для уточнения вариации уже выявленных категорий, была проведена серия дополнительных интервью с пациентами в той же ситуации хронического заболевания. В общей сложности сделано 20 интервью с мужчинами, что позволило уточнить вариацию избранных категорий. Следующий шаг — дополнительное прочтение собранных интервью и аналитических мемов, теперь уже с гендерной точки зрения, в результате чего были сконструированы основные параметры маскулинной идентичности. Для уточнения их специфики и полной реализации стратегии теоретической выборки на следующем этапе осуществлена тактика «противоположного случая»: проанализированы интервью с женщинами, находящимися в схожей ситуации хронического заболевания, для сопоставления модификации отобранных категорий в противоположном случае и общей интеграции аналитического видения отобранных категорий [Charmaz, 1997: 39].

Насыщение данных (сатурация). Исследователи считают, что информационное насыщение выборки достигнуто тогда, когда собираемые новые данные из дополнительных кейсов не привносят новых модификаций в исследуемые категории и не дают новых импульсов для интерпретации. Это состояние зависит от разнообразия выборки, продолжительности полевого этапа и опыта самого исследователя. Процесс теоретического насыщения

означает также поиск дополнительных данных об изучаемом феномене для того, чтобы убедиться, что все свойства и измерения избранной теоретической категории были задействованы при полевом исследовании. Иногда аналитики ошибочно полагают, что только повторяющаяся информация уже говорит о насыщении, однако повторяющаяся информация говорит лишь об однородности собираемых данных, при этом некоторые аспекты происходящего могли остаться незатронутыми, и тогда анализ останавливается на поверхностной интерпретации исследуемого феномена [Charmaz, Bryant, 2008]. Момент теоретического насыщения считается конечным этапом построения мини-теории и конечным критерием ее валидности в стратегии GT.

GT — единственный вид теоретической концептуализации качественных данных в ряду других видов качественного анализа. Другие тактики ориентированы, скорее, на дескриптивное описание происходящего с опорой на субъектные характеристики исследуемого объекта (в том числе биографическая, социально-антропологическая стратегия, кейс-стади, устно-историческая) [Семенова, 2007: 392]. GT более структурирована и систематизирована по исследовательским задачам, чем натуралистичные или описательные схемы. В своей методологической основе она исходит из положения о том, что каждый частный случай (кейс) — проявление действия определенных социальных процессов, закономерностей, взаимодействий в конкретной ситуации, и потому может служить базой для построения частных мини-теорий, при условии, что в процессе эмпирической концептуализации исследователь приобщает также свое общетеоретическое видение проблемы (общенаучное + опытное знание).

Результатом исследования обычно становятся рождающиеся в процессе изучения концептуальные утверждения или гипотезы относительно функционирования данного феномена (или схожих объектов) в схожих обстоятельствах. Такое утверждение носит название «условной теории», или «теории условий». Обычно такая формулировка начинается с условных конструкций: при условии... данный феномен (или схожие с ним объекты)... могут вести себя...

Основатели GT отстаивали принцип относительной истины, утверждая, что теории всегда становятся объектом последующей ревизии, поэтому любая теория лишь остановка в нескончаемом процессе теоретического развития знания [Glazer, Strauss, 1967].

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Устная история — одно из старейших направлений качественного анализа, при котором исследователь концентрируется на изучении жизненных опытов людей относительно определенных значимых событий. Собираемая в рамках этого метода информация представлена нарративами рассказчиков, записанными при помощи аудио- или видео техники. Цель исследователя состоит в получении из первых рук данных об определенном периоде или социально-историческом событии, которое было прожито респондентом

как индивидуальный опыт. Методология устно-исторического исследования предполагает, что задокументированный субъективный опыт позволяет выяснить, какие смыслы и значения данный период жизни имел для данного информанта. Такие данные не могут быть получены из других (письменных) исторических источников, и поэтому «голос» обычных и, зачастую, маргинализированных участников/свидетелей приобретает большое значение для сохранения и понимания общей картины того, что произошло в прошлом, а также дополняет информацию, содержащуюся в других, документальных источниках. Этот неформальный метод является методологическим инструментом, используемым в разных дисциплинах, в том числе в истории культуры, истории социальных институтов, социальных миров прошлого (напр., истории детства). Тематика может затрагивать вопросы урбанистики, бедности и нищеты, иммиграции, индустриального труда и профсоюзного движения, истории искусства и литературы, опыта войны и репрессий, культурной антропологии, гендерных исследований, социальной психологии и т.д. Поле устной истории имеет тесную связь с социально-психологическими дисциплинами и проблематикой памяти (напр., процессы распространения, сохранения и искажения коллективной памяти, коллективное забвение и политика памяти, соотношение индивидуальной и коллективной памяти, национальная память).

Активное обращение к методу началось в 1940-е годы и с тех пор, благодаря появлению и распространению технических средств записи, занимает все более обширную нишу в социальных исследованиях [Chaitin, 2008]. Развитие субъективной парадигмы и, в частности, устной истории, как верно отмечал Т. Лукман, в первую очередь связано даже не с теоретическим прогрессом, а с технологическими новшествами, которые дали возможность «заморозить» процесс социальной интеракции «исследователь — респондент» с целью последующего его многократного изучения [Лукман, 2020].

Зарождение массового интереса социологов к устно-историческим изысканиям связывают с работой Вильяма Томаса и Флориана Знанецкого конца 20-х годов прошлого столетия, которая построена, в том числе, на архиве устно-исторических интервью относительно жизненного опыта польских мигрантов в традиционном обществе [Thomas, Znaniecki, 1995].

В настоящее время в этом поле наиболее широко известны имена английского исследователя П. Томпсона — с его книгой “The Voice of the Past” [Thompson, 1988]; С. Теркела (Studs Terkel), который собрал сотни нарративов из жизни рабочих в США; антрополога О. Льюиса (Oscar Lewis), задокументировавшего истории мексиканских семей; Л. Пассерини (Luisa Passerini), которая изучала фашизм, студенческое радикальное движение и феминизм; А. Портелли (Alessandro Portelli), специалиста по изучению вьетнамской войны, который также много сделал для описания связи между индивидуальными воспоминаниями и историей [Хрестоматия..., 2003]. Сосредоточием устно-исторической проблематики в России считаются Центр изучения культурной памяти и символической политики при Европейском университете в Санкт-Петербурге и Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал».

Методология

В основе методологии устной истории лежат дискуссии относительно связи истории, национальной, коллективной и индивидуальной памяти. Эту стратегию называют «историей снизу» (History from below), или «историей молчаливого большинства», она предоставляет исследователю возможность озвучить голоса дотоле безмолвствовавших масс относительно различных событий прошлого. Использование здесь метафоры «голоса» методологически означает возможность и важность множественной интерпретации исторической реальности. Подобные интерпретации могут в большей или меньшей степени отличаться одна от другой, поскольку реальность конструируется различными участниками, исходя из особенности своей ролевой позиции: например, палача и жертвы; участника и свидетеля; волонтера, добровольно участвующего в военных действиях, и профессионального офицера. Метафора «голоса» здесь весьма уместна, поскольку подчеркивает фокус индивидуализированной перспективы при оценке события. Но не только реконструкция различных свидетельств является целью устно-исторического интервью: важная задача состоит в том, чтобы ПОНЯТЬ «голоса», отследить процесс живого создания смыслов в ходе межличностной коммуникации «интервьюер–респондент» и выявить его источники [Fabian, 2008].

Метод устной истории

Фокус изучения в устно-историческом проекте — определенное событие или исторический период и его ретроспективная оценка участниками/свидетелями, рассмотренная в определенном локальном или более широком социально-историческом контексте.

Центральный интерес представляет субъективное (коллективное или индивидуальное) восприятие события, изучаемое в далекой или более близкой ретроспективе. Поэтому перед исследователем встают методические вопросы, связанные с возможностями человеческой памяти — принцип селективного отбора воспоминаний в процессе меморизации; возможности и ограничения памяти; воссоздание прошлого в контексте настоящего; политики и практики памяти, проблема забвения или умолчания об отдельных аспектах прошлого.

Предварительным этапом подготовки устно-исторического проекта является ознакомление исследователей с формальными документами относительно исторической и социальной ситуации в исследуемый период или о конкретном событии, с использованием уже имеющихся данных: научная литература, архивные документы, мемуары, дневники.

Отбор информантов как субъектов памяти

Важным моментом считается отбор будущих интервьюируемых. Поскольку получаемая в поле информация рассматривается как определенное историческое **свидетельство**, то важным будет точный отбор информантов, которые способны стать источником таких данных по объективным критериям места

жительства, возраста, их роли и функциям по отношению к изучаемым событиям. Например, среди участников войны нас могут интересовать добровольцы/контрактники/призывники, солдаты/офицеры; участвовавшие в боевых действиях / служащие в отдельных штабных подразделениях; участники/свидетели/современники и т.д. Естественно, нужно учитывать и личные возможности будущих информантов: помимо добровольного письменного согласия на участие в исследовании, важны также их нарративные компетенции, возможности памяти.

Работа в поле

Работа в поле требует от исследователя определенной предварительной саморефлексии относительно двух качеств:

Первое — насколько интервьюер умеет работать «с прошлым»: как работать с памятью? как погрузить в прошлое? как оживить воспоминания о деталях события, далеко лежащего от «сегодняшнего» состояния? как восстановить событийную последовательность из рассказа интервьюируемого: с чего начиналось, как продолжалось, основные моменты, чем закончилось?

Второе — социально-психологические навыки работы с психологической травмой в случае сенситивного интервью: как погрузить в воспоминания об отдаленных событиях? как углубить и детализировать рассказ о прошлом опыте? как вывести информанта из возможного травматического состояния в случае тяжелых переживаний в прошлом?

Общая стратегия работы интервьюера в поле состоит в формулировке в основном открытых вопросов, ориентированных на личный опыт респондента, и получении богатого деталями рассказа о пережитом с позиции активного слушателя. Стартовые вопросы интервьюера предельно широки, затем фокус перемещается на основное событие и более детальное описание. В целом предполагается получить от респондента полную историю о происшедшем, насыщенную субъективными воспоминаниями и описанием его опыта. Участие интервьюера предполагает только удерживание общего течения рассказа при помощи позиции активного слушателя.

В дополнение к интервью устный историк часто просит интервьюируемого дополнить свой рассказ артефактами или документами (письма, альбомы, свидетельства), имеющими отношение к истории жизни респондента, что обогащает рассказ, а также может привнести в него новые аспекты.

Для иллюстрации общего стандарта построения устно-исторического интервью и выбора позиции исследователя в этой тактике предлагается ознакомиться с примером¹ русскоязычных рассказов живых свидетелей событий 1917 года из архива Колумбийского университета — это эмигранты, которые были проинтервьюированы в 60-е годы. Всего в архиве содержится 70 подобных интервью.

¹ Oral history interview with Aleksei Aleksandrovich Golovin (1965) // Columbia University Libraries. URL: <https://dlc.library.columbia.edu/catalog/cul:8pk0p2nj70> (дата обращения: 20.01.2021).

Схема анализа интервью

Общая логика анализа устно-исторического интервью следует индуктивной логике любого качественного исследования. Она предполагает следующие шаги анализа: 1) общее описание источника с фиксацией основных изложенных фактов; структурирование текста и кодирование по интересующим исследователя темам; 2) составление мемов; 3) классификация тем в научных категориях; 4) интерпретация с учетом локального и общеисторического контекста.

Два дополнительных, но важных для данной техники анализа момента, которые должен иметь в виду устный историк: 1) перекрестная проверка изложенных респондентом объективных фактов на их непротиворечивость с другими устными свидетельствами и с общедоступными источниками исторической информации; 2) тезис об изменчивости памяти о прошлых событиях под влиянием политики в настоящем делает важным и другой аспект, который должен стать отдельным предметом рассмотрения как при проведении интервью, так при его анализе, — тактика умолчания о некоторых неудобных для респондента моментах. Другими словами, требуется отдельная исследовательская рефлексия о том, какие моменты в своем повествовании информант предпочел не упоминать и почему. Что это добавляет к анализу рассказа о прошлом, и как это соотносится с контекстом его ситуации в настоящем?

Эксперты также сходятся во мнении, что при изучении набора устно-исторических интервью с целью исследования коллективной памяти начинать анализ лучше с полного описания одного интервью по всем вышеупомянутым шагам, а затем, выявив основные категории и пути их интерпретации, уже переходить к работе с последующими.

Способы презентации устно-исторических данных

Поскольку устно-исторические данные рассматриваются и используются в качестве определенных личностно-окрашенных свидетельств о том или ином аспекте прошлого, то требуется точная фиксация источника информации при составлении общего исследовательского архива: даты проведения интервью и данных о респонденте с упоминанием имени, его функций в интересующий исследователя период, с указанием на дополнительные документальные источники, полученные в ходе интервью, данных об интервьюере, с приложением письменной формы информированного согласия респондента на проведение интервью. Обычно также прикладывается фотография ситуации интервью. Устно-исторические интервью обычно записываются в аудио- или видеоформате и загружаются в общий цифровой архив данных.

Важные архивные базы как источники устно-исторической информации

Visual History Archive Online // USC Shoach Foundation. URL: <https://sfi.usc.edu/what-we-do/collections> (дата обращения: 20.01.2021). В архиве содержится около 52000 воспоминаний на 32 языках из 56 стран.

Oral History Association (USA). URL: http://alpha.dickinson.edu/oha/pub_ohr.html (дата обращения: 20.01.2021).

Oral History // British Library Sounds. URL: <https://sounds.bl.uk/Oral-history> (дата обращения: 20.01.2021).

Открытый архив истории науки и культуры // Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <http://arch.eu.spb.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).

Литература

Лукман Т. Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция / Пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>

Семенова В. В. Качественные методы в социологии // Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007. С. 346–408.

Хрестоматия по устной истории / Под ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: ЕУСПб, 2003. 396 с.

Benaquisto L. Open Coding // The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 581–582. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n299>

Chaitin J. Oral History // The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 584–586. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n301>

Charmaz K. Identity Dilemmas of Chronically Ill Men // Grounded Theory in Practice / Ed. by A. Strauss, J. Corbin. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1997. P. 35–63.

Charmaz K. A Personal Journey with Grounded Theory Methodology // Forum: Qualitative Social Research. 2016. Vol. 17. No. 1. Art. 16. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-17.1.2541>

Charmaz K., Bryant A. Grounded Theory // The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 375–376. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n189>

Fabian S. Voice // The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by L. M. Given. Los Angeles: SAGE Publications, 2008. P. 943–944. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n492>

Glazer B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Aldine de Gruyter, 1967. 271 p.

Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1998. 312 p.

Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration History / Ed. by E. Zaretsky. Urbana: University of Illinois Press, 1995. 152 p.

Thompson P. The Voice of the Past: Oral History. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1988. 314 p.

Сведения об авторе:

Семенова Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, руководитель сектора исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** victoria-sem@yandex.ru; **РИНЦ Author ID:** 639254; **ORCID ID:** 0000-0002-0887-5106; **ResearchID:** E-9411-2014.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2020

Принята к публикации: 26.02.2021

INTER-Encyclopedia: Grounded Theory. Oral History

DOI: 10.19181/inter.2021.13.1.5

Victoria V. Semenova *Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia*
E-mail: victoria-sem@yandex.ru

In the continuation of our constant heading "INTER-encyclopedia", such terms as grounded theory and oral history are offered here, which are most significant for a qualitative researcher. Initially, the general formulation of the term is given, then a description of its place in the history of the method, then its methodological justification, and at the end — the technique of implementing the method and examples of use.

Keywords: qualitative methods; grounded theory; coding; theoretical sampling; oral history; personal voice; subjective representation

References

- Benaquisto L. (2008) Open Coding. In: Given L. M. (ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: SAGE Publications. P. 581–582. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n299>
- Chaitin J. (2008) Oral History. In: Given L. M. (ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: SAGE Publications. P. 584–586. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n301>
- Charmaz K. (1997) Identity Dilemmas of Chronically Ill Men. In: Strauss A., Corbin J. (eds.) *Grounded Theory in Practice*. Thousand Oaks: SAGE Publications. P. 35–63.
- Charmaz K. (2016) A Personal Journey with Grounded Theory Methodology. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 17. No. 1. Art. 16. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-17.1.2541>
- Charmaz K., Bryant A. (2008) Grounded Theory. In: Given L. M. (ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: SAGE Publications. P. 375–376. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n189>
- Fabian S. (2008) Voice. In: Given L. M. (ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: SAGE Publications. P. 943–944. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412963909.n492>
- Glazer B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory*. Chicago: Aldine de Gruyter. 271 p.
- Loskutova M.V. (ed.) (2003) *Hrestomatiya po ustnoj istorii* [Anthology of Oral History]. SPb.: EUSPb. 396 p. (In Russ.)
- Luckmann Th. (2020) Kommunikativnoe konstruivovanie real'nosti i sekventsial'nyj analiz. Lichnaya reministsentsiya [The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 9–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>
- Semenova V.V. (2007) Kachestvennye metody v sotsiologii [Qualitative Methods in Sociology]. In: Yadov V. A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [Strategy of Sociological Research]. Moscow: Omega-L. P. 346–408. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (1998) *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks: SAGE Publications. 312 p.

Thomas W.I., Znaniecki F. (1995) *The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration History* / Ed. by E. Zaretsky. Urbana: University of Illinois Press. 152 p.

Thompson P. (1988) *The Voice of the Past: Oral History*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 314 p.

Author bio:

Victoria V. Semenova — Doctor of Sociology, Professor, Head of Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** victoria-sem@yandex.ru; **RSCI Author ID:** [639254](#); **ORCID ID:** [0000-0002-0887-5106](#); **ResearchID:** [E-9411-2014](#).

Received: 10.12.2020

Accepted: 26.02.2021